

Живи сейчас

Кущенко Яна

12+

Яна Владимировна Кущенко

Живи сейчас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186457

SelfPub; 2020

Аннотация

Как многие из нас, Томас Морин живёт прошлым, воспоминаниями о своей жене, погибшей около двух лет назад. Его единственная опора – дочь Фейт, ради неё и благодаря ей он всё ещё с нами. Она – чистый ангел, хотя не любит, когда её так называют. Она живёт настоящим, здесь и сейчас, конечно, хранит прошлое в памяти и верит в будущее. Однажды в жизни Фейт появляется Картер, который меняет её жизнь так же, как Фейт меняет жизни всех людей вокруг. Они быстро находят общий язык, а вскоре между ними завязывается нечто большее, чем просто дружба. Никто не знает, что будет дальше, но всё определённо не просто так.

ПРОЛОГ ФЕЙТ

Сидя на толстой ветке, наверно, трёхвекового дуба и наблюдая, как метрах в пяти под моими ногами бродят заботливая лосиха и два её маленьких лосёнка, не замечая моего присутствия (за два года я так научилась сливаться с природой, что даже она сама, такая чуткая и чувствительная, меня порой не замечает), я не могу не думать о том, что если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что своё семнадцатилетие я буду праздновать именно так, я бы рассмеялась этому человеку в лицо, даже не дослушав его слов. Наверно, вы не поверите, но у меня никогда не было друзей, понимаете, таких, с которыми и в огонь, и в воду. Да, конечно, был определённый круг людей, с которыми я очень хорошо общалась, с которыми мы часто проводили время, но я чувствовала и знала, что между нами нет той необъяснимой связи, которая возникает между людьми, становящимися родными, не имея кровного родства. Я была уверена, что когда-нибудь мне посчастливится узнать это чувство полного растворения в ком-то, кто всегда выслушает и поймёт, будет честным, как с самим собой, никогда не предаст и не обманет. Я знала, что встречу того, с кем можно будет просто молчать, ведь всё и так понятно, и я не ошибалась. Но пока у меня были только знакомые (на самом деле были даже лучшие друзья, но, как оказалось, это только казалось), замечательные и прекрасные, с которыми я обычно и

проводила дни своего рождения, да, они нередко менялись по разным причинам, но всегда были. Каждый раз эти люди удивляли меня, подготавливали невообразимые сюрпризы, дарили прекрасные подарки, мы весь день гуляли, смотрели фильмы или играли в боулинг, просто разговаривали по душам. Ничего особенного, как у многих, просто нам было тепло и хорошо вместе, а это самое главное. Так было из года в год, сколько я себя помню. Так должно было быть и в этот раз. И в прошлом году тоже. Но когда тебя окружает практически первозданная божественная красота природы с её бескрайними лесами, величественными горами, спокойной, но могущественной рекой, а где-то сейчас суетливые мегаполисы живут своей шумной жизнью, хотя когда-то на месте самого высокого в мире небоскрёба, росли удивительной красоты деревья, а вместо бегущего метро под землёй текло множество маленьких речек, ты понимаешь, что всё имеет свойство меняться, даже то, что, казалось, навсегда останется таким.

Не подумайте, что мне здесь не нравится. Нет, просто это совсем другой мир, абсолютно не похожий на тот, в котором я жила раньше, в котором живёт большинство людей на нашей огромной планете. Вы никогда не задумывались над тем, что когда Вы просыпаетесь от звона надоедливого будильника, выключаете его или прячете под подушку, решая ещё немного поспать, хотя бы пять минут, потому что вы всё

равно успеете, кто на учёбу, кто на работу, потому что школа в соседнем дворе, университет или работа всего в каком-нибудь часе езды на метро или машине, что где-то, чтобы попасть на занятия в школу, детям в сопровождении прекрасно знающего местность отца приходится преодолевать опасный путь, длящийся семь дней: перебираться на другую сторону реки по начинающему таять льду, ночевать в пещерах, укутываясь в одеяла сотканые заботливой мамой, со слезами на глазах отдающей своих маленьких детей и любящего мужа в руки природы? Вы когда-нибудь думали о том, что голова может болеть не от пронзительного шума города с его непрекращающимися разговорами, ревушими машинами и мотоциклами, а от щемящей тишины, когда на тысячи метров или даже километров вокруг нет никого, когда ты один?

Не удерживай то, что уходит, и не отталкивай то, что приходит. И тогда счастье само найдет тебя.

Омар Хайям

Не зови уходящее – позволь ему уйти. Не жди будущего – позволь ему настать. Не усложняй – пусть происходит то, что происходит.

Тилопа

ФЕЙТ

Я родилась в Нью-Йорке, где и провела первые пятнадцать лет своей жизни, самые лучшие пятнадцать лет своей жизни. Но позапрошлым летом мы с папой переехали сюда. Позапрошлым летом мы похоронили маму и переехали сюда...

Папа увлекался самолётами с детства. Дедушка был пилотом, а бабушка стюардессой, так они и познакомились. Вскоре родился мой папа, и ему ничего не оставалось, как влюбиться в небо, потому что именно там зачастую находились его родители. Пока они были в рейсе, он сказал своё первое слово, впервые подрался, поцеловался с девочкой, забил первый гол... Но папа никогда не чувствовал себя обделённым вниманием родителей, потому что время, когда они собирались все вместе, было настолько прекрасно, что воспоминаний о нём ему хватало до следующей встречи. К тому же в отсутствие родителей ему не приходилось скучать, ведь жил он с двумя бабушками и двумя дедушками и был единственным их внуком со всеми вытекающими отсюда последствиями, да и одному ему всегда было чем заняться. Уже с самого раннего детства папа начал создавать макеты самолётов. Он старался как можно больше узнать об этих «железных птицах», искал в гараже и собирал на улице различные интересные для него, но бесполезные для других людей вещицы, из которых потом необычайно искусным образом со-

здавал свои собственные мини-самолёты.

Как я уже говорила, папа никогда не ревновал своих родителей к их работе, к небу, наоборот, он был счастлив за них, потому что им несказанно повезло, ведь они занимались любимым делом. Одно папе казалось несправедливым, что родители пропускают порой те моменты жизни своего сына, которые, как ему казалось, им бы очень хотелось разделить с ним, а если честно, то и ему с ними. Поэтому папочка придумал, как мне кажется, на удивление простой, но довольно наивный способ общения с теми, кто в небе. Как только в его жизни случалось какое-то важное событие, а родители были в рейсе, он сразу же бежал в ближайший магазин, где продавались воздушные шары, наполненные гелием, и покупал один или несколько, в зависимости от ситуации. Если можно было ограничиться одним или несколькими словами или просто каким-либо знаком или рисунком, то всё писалось или рисовалось фломастерами прямо на шарике. Но иногда, когда эмоции переполняли папу, он сочинял небольшие записочки и прикреплял их к верёвочкам шариков, потом выходил на улицу и, с надеждой глядя в небо сказочно-изумрудными глазами, отпускал шары, он верил, нет, он был абсолютно уверен, что скоро родители всё узнают. И знаете, это работало, не знаю как, но мои бабушка и дедушка всегда знали обо всём, что хотел сказать им их сын. И да, по мере взросления папа кое-что заподозрил, поэтому своим бабушкам и дедушкам рассказывал не обо всех посланиях,

а родители всё равно их «получали». А потом вообще прекратил их отправлять, но, опять же, ничего не изменилось. И вы знаете, он был счастлив.

Нетрудно догадаться, что папа стал авиаконструктором. Я ещё не нашла главное дело всей своей жизни, и не факт что мне вообще повезёт, но было бы здорово, если бы вместе с изумрудными глазами, рыжими волосами и невероятным упорством по наследству от папы мне передалась способность находить истинно свои дела и иметь возможность заниматься ими всю жизнь.

Мы переехали сюда позапрошлым летом. После того как похоронили маму.

Сейчас Вы, наверно, подумали, как я до сих пор не рассказала Вам о самом главном, но понимаете, именно для этого мы и оставили свою прошлую жизнь. Порвали все связи, чтобы, насколько это только возможно, забыть о том, что случилось.

В детстве мама боялась только одной вещи – летать на самолётах. Она не боялась, что может навсегда потерять слух, потому что при взлёте очень сильно закладывает уши, не боялась умереть, если что-то пойдёт не так и самолёт упадёт, нет, за себя она вообще никогда не волновалась. Но мама знала, что ей будет невыносимо больно видеть панику, горе, слёзы в глазах пассажиров, если произойдёт что-то плохое.

Если было возможно, бабушка и дедушка старались поль-

зоваться услугами автобусов и поездов, но иногда без самолёта обойтись было невозможно. Несмотря на то, что мамочка была необычайно смышлёным и умным для своих лет ребёнком, она всё же была ребёнком, поэтому не могла побороть свой страх, но она нашла выход, вы же знаете, она была очень смышлёным ребёнком. В последнюю ночь перед вылетом мама никогда не спала (делала что угодно, только не спала, скрывать от родителей это было непросто, но у неё получалось), а в самолёте засыпала так, что несколько часов точно её ничем нельзя было разбудить, вместе с мамой засыпал и её страх, а просыпались они уже на земле.

Всё изменилось, когда в маминой жизни появился папочка. Невероятно красивый, статный и сильный, он одним своим видом не давал маме даже подумать ни о каком страхе, и даже если они были не вместе, что бывало, однако, довольно редко, она чувствовала себя в безопасности, знала, что папа рядом. Но ко всему прочему у мамы появилась возможность летать на самолётах, сконструированных папой или папиными друзьями, ей было абсолютно спокойно, но никто не застрахован от ошибок... По официальной версии причиной крушения стала невнимательность сервисной службы, проверяющей состояние самолёта перед рейсом, но для папы это не имело никакого значения. Его самолёт убил его любимую женщину, и больше он ни во что не верил. Каждый вечер перед сном он говорит мне, что я спасла ему жизнь, и я знаю, что это правда, без меня у него не было бы смысла жить даль-

ше. Хотя всё-таки мы оба понимаем, что папа не из тех, кто сдаётся, вернее, он из тех, кто никогда не сдаётся, мы решили уехать, нет, не сбежать от какой-то реальности, а просто сменить обстановку, начать всё заново. Мама всегда мечтала побывать на родине моего отца в местности Юкон в Канаде, мы знаем, что она отправилась именно туда, поэтому поехали за ней, чтобы всегда быть вместе.

КАРТЕР

Мы едем, наверно, уже больше трёх часов, вид за окном практически не меняется, но я готов наблюдать эту красоту вечно: пронзительно-зелёные леса, то убегаящая из вида, то прибегающая вновь величественная река, горы, невероятные цвета... тишина и спокойствие, да, главное, тишина. Папа, как всегда, ведёт плавно, осторожно, но быстро, в таких просторах он может себе это позволить. Мама, тоже как всегда, спит на переднем сиденье. На самом деле в машинах она очень нервничает, ни о каком сне и речи быть не может, но сейчас за рулём папа, с ним она всегда спокойна, и это всего касается.

Никаких вещей у нас практически нет, да и зачем они нам, ведь мы решили начать всё заново, а может быть, просто сделать перерыв, но всё должно быть иначе, определённно иначе, всё будет по-новому, это лето будет другим.

Я просыпаюсь от звука стучащих в окна нашей машины

веток хвойных деревьев. Не знаю, когда папа свернул с большой дороги, но сейчас мы едем по узкой дорожке, с двух сторон окружённой деревьями, принимающими нас в свои объятия. Мама тоже уже проснулась, из их разговора с отцом я понимаю, что наша цель уже близка. И правда, вскоре мы въезжаем в маленький городок, со всех сторон окружённый лесом и находящийся на берегу сопровождающей нас почти всё время реки, как я потом узнаю, её имя Юкон, да, именно имя, ведь она не может быть неживой. Мы проезжаем весь город минут за семь и продолжаем движение, останавливаясь у дома, стоящего в стороне от всех километров в пяти, он располагается на возвышенности, поэтому кажется, что город совсем рядом.

Из деревянного двухэтажного дома к нам навстречу выбегает мужчина лет сорока, он в фартуке, а его руки и правая щека в муке, видимо, нас действительно ждали. Томас – друг детства моего отца. Раньше их дома стояли рядом, они были как братья, но взрослая жизнь развела их. Мой папа стал музыкантом, а Томас – авиаконструктором, как они и мечтали. Дом детства отца снесли, и вообще город стал меньше, многое поменялось, но встретились они, как будто и не было этой четверти века. Теперь мы тоже все в муке.

На самом деле о таком доме можно только мечтать. В нём приятно пахнет деревом, на стенах висят фотографии и небольшие картины, но самое главное, на втором этаже в

холле с окном во всю стену с невероятным видом стоит белый рояль и больше ничего, только рояль. Но разве этого мало? Это место – самое волшебное место, которое мне когда-либо доводилось видеть, а видел я немало, уж поверьте.

В Лос-Анджелесе у нас шикарная квартира, но в ней всё настолько идеально и ярко, что нередко она меня раздражает, благо бываю я там редко, потому что живу сумасшедшей жизнью, да, несомненно прекрасной и интересной, но от всего, даже самого потрясающего, иногда нужно отдыхать. За этим мы сюда и приехали. В край, где всё настолько спокойно, что во всём городе за год происходит меньше событий, чем у меня за неделю. Где можно насладиться музыкой тишины, где нет суеты, где никто не следит за каждым твоим шагом. Да, теперь я точно знаю, мы поступили правильно.

ФЕЙТ

Папа сказал, что сегодня к нам приедет его лучший друг детства со своей семьёй. Я очень этому рада, ведь папа практически ни с кем не общается, сейчас лето, и в школе каникулы. Я знаю, он тоскует и ждёт не дожждётся начала учебного года. Да, я забыла сказать, папа сейчас работает в местной школе учителем физики. И знаете, если бы у меня в школе был такой учитель физики, мир бы точно приобрёл какого-нибудь учёного в моём лице, но, к сожалению, или, к счастью, у меня совсем другие интересы.

Сколько я себя помню, музыка была главным увлечением

моей жизни, а сейчас я точно знаю, что она просто вся моя жизнь, я без неё не могу, и иногда бывает приятно подумать, что и я ей хотя бы немножечко нужна. Каждый будний вечер, независимо от времени года, наличия каникул и всего прочего, я преподаю вокал и фортепиано всем желающим детям. Занятия проходят в моей школе, которая, как вы, наверно, уже смогли догадаться, в городе одна, их посещают как дошколята, так и мои ровесники. Всего у меня 15 учеников, а учитывая, что городок у нас маленький, и желание заниматься музыкой, честно говоря, ведь есть далеко не у всех, это очень даже неплохо. Мы всё успеваем, но в то же время и нет возможности расслабляться. Нас объединяет любовь к музыке, нам интересно друг с другом, интересно вместе с музыкой, а это самое главное. Вы можете задать вопрос: «Кто же ей дал право преподавать, ведь она сама ещё учится?» Да, ещё впереди один год в школе, но школу искусств я закончила уже два года назад, диплом об окончании, в частности, даёт мне право преподавать. Может быть, это и есть дело всей моей жизни, время покажет, но пока меня устраивает абсолютно всё.

Наш дом стоит в стороне, от школы нас отделяют шесть километров, обычно мы с папой преодолеваем их на велосипеде, пока это только возможно, это наш любимый вид транспорта, хотя машина тоже имеется. Как это чаще всего бывает, сегодня я возвращаюсь домой на своём Луи, это мой велосипед, прошу любить и жаловать. Я никогда не слу-

шаю музыку в наушниках, особенно на улице. Нас окружает столько прекрасных и разнообразных звуков, ни в коем случае нельзя ничего упускать: течение реки, шёпот листьев, хруст веточек под колёсами велосипеда, пение птиц, рояль... Да, я слышу наш рояль.

КАРТЕР

Уже третий раз я поднимаюсь на второй этаж, но никак не могу решиться сесть за инструмент. Томас сказал, что, кроме его дочери Фейт, на этом рояле ещё никто не играл, но он добавил, что она будет невероятно счастлива, если кто-нибудь разделит её любовь именно к этому роялю, к инструменту вообще, к музыке. Честно говоря, бояться чего-то не в моём стиле, но я определённо чего-то боюсь, боюсь что-то нарушить, пока не знаю, что именно, но чувствую, что определённо что-то есть. Но, как я уже говорил, обычно я не боюсь, поэтому и сейчас страх всё-таки проходит, я сажусь за рояль и начинаю играть своё крайнее сочинение. Не подумайте, что я какой-то гений, абсолютно нет, просто музыка – моя жизнь, и иногда я сочиняю как просто музыку, так и песни.

Мне нравится, как здесь звучит рояль, звуки окутывают тебя с ног до головы, поглощают тебя полностью. За инструментом я всегда чувствую себя спокойно, музыка в таком проявлении – моя защита, моя суть. Свою первую более-менее разумную песню я написал в 12 лет, тогда я как раз

учился в музыкальной школе. Конечно, у меня было и сольфеджио, поэтому писать было намного проще, ведь без знаний нотной грамоты и гармонии, хотя бы самых элементарных, всё усложняется в разы.

Я заканчиваю играть с твёрдым намерением вернуться к этому волшебному инструменту ещё не раз. Я закрываю крышку, поднимаю глаза и замечаю стоящую на самой верхней ступеньке девушку. Как я мог не заметить её появления? Рыжие волосы, изумрудные глаза. Конечно, я знал о существовании Фейт, но даже и подумать не мог, что она произведёт на меня такое впечатление.

– Привет! Я Фейт, – улыбнувшись, сказала она и протянула мне свою руку всю в браслетах и фенечках.

– Привет! А я Картер. У тебя потрясающий инструмент, – ответил я, пожав её руку.

– Спасибо! Я очень рада, что тебе понравилось на нём играть. А мне понравились твоя музыка и её исполнение. Ты здорово играешь!

Её улыбка. Такая светлая и добрая. И взгляд. Она смотрит мне прямо в глаза. Со мной происходит что-то странное, но ладно, разберусь попозже, а пока я решаю отвлечься и сменить тему:

– Я так проголодался. Уверен, твой папа приготовил что-то вкусненькое. Судя по всему, он любит готовить, да? – спрашиваю я, направляясь к лестнице, Фейт следует за мной.

Я не вижу её и начинаю ощущать, что мне жутко чего-то не хватает.

– Да, папочка обожает готовить, а когда есть повод, например, ваш приезд, он просто счастлив. Сегодня папа приготовил все свои коронные блюда, он вас очень ждал. Кстати, я забыла сказать, что я очень рада знакомству с тобой. Ты и твои родители – прекрасные люди. Я, как и папа, безумно рада, что вы приехали.

И снова эти волшебные улыбка и взгляд. Мы уже почти дошли до столовой, и я успеваю только вставить:

– Я тоже рад знакомству с тобой и Томасом.

ФЕЙТ

Сегодня папа приготовил свои любимые блюда, вернее, те, которые он больше всего любит готовить. Это лазанья по маминому рецепту, утка, запечённая с яблоками, спагетти Карбонара, а на десерт шоколадные и черничные маффины. Конечно, на столе были ещё всевозможные овощи, фрукты, закуски, тоже приготовленные папой. Сегодня для папы важный день – они с Тейлором не виделись с самого детства, и вот, наконец-то, встретились. Джонсы сказали, что приехали к нам на всё лето, поэтому впереди у папы с Тейлором ещё много разговоров о прошлом, о настоящих и будущих событиях. И может быть, не только у них.

КАРТЕР

Ужин был прекрасен, и еда (вы же помните, я был очень

голоден), и атмосфера, и люди, которые её создавали. Я узнал, что в местном лесу вполне запросто можно встретить лося, представляете, настоящего лося. Когда я был маленьким, в зоопарке всегда показывал на него пальцем и называл верблюдом. Хотел бы я встретить здесь лося, поздороваться, назвать правильно это чудесное животное и попросить прощение за то, что называл его братьев верблюдами, я надеюсь, мы встретимся.

Фейт предложила мне показать дом, было уже поздно, поэтому экскурсию по городу и окрестностям было решено отложить до завтра. Поблагодарив отца Фейт за прекрасный ужин и всех за компанию, мы вышли из-за стола.

– Твой папа и правда здорово готовит! – я просто не знал, как начать разговор.

– Да, его научила мамочка, они любили готовить вместе и друг другу. И мне нравилось составлять им компанию, а сейчас мы готовим вместе с папой, а иногда по очереди удивляем друг друга какими-нибудь новыми рецептами, обычно сами их придумываем, но, бывает, и в Интернете находим, – она замолчала на мгновение, а потом спросила, – наверно, ты хочешь спросить, где моя мама, да?

– Да, но... – мне стало так стыдно за то, что я смог выдавить из себя только два невнятных слова.

– Всё в порядке! Сейчас я покажу тебе свою комнату, а потом расскажу про маму, хорошо? – мне кажется, Фейт не может не улыбаться, и, глядя на неё, начинаю улыбаться и я.

– Вот мы и пришли. Это моя комната.

Я говорил, что мне очень нравится дом, в котором живут Фейт и Тейлор, и что больше всего меня поразило роуаль и помещение, в котором он живёт, но впечатление, которое произвела на меня комната Фейт, нисколько не уступает предыдущему восхищению. Комната находится в углу дома, и практически две угловые стены представляют собой панорамное окно с видом на абсолютно дикий и густой лес, невероятно красиво на самом деле, хоть сейчас темно и окна занавешены шторами. Комната очень светлая во всех смыслах, здесь много белого и пастельных цветов. А ещё огромный книжный шкаф от пола до потолка, он протянулся на оставшиеся две стены.

– Как долго вы собирали такую внушительную библиотеку?

– Если честно, то это только моя коллекция, у папы гораздо больше, ты обязательно ещё увидишь. Всю жизнь, всю свою жизнь я её собирала и продолжаю пополнять...

– Вот это да! Я, наверно, даже десятую часть твоей коллекции не прочитал. Я не любитель читать, если честно, хотя иногда хочется посидеть с книгой, и я это делаю.

– А меня чтение вдохновляет, правда, чуть меньше музыки, но оно тоже лечит.

Я стоял, слушал Фейт и просто бродил глазами по всему разнообразию книг, которые жили в шкафу. Мой взгляд привлекло что-то, завёрнутое в нежно-розовую упаковочную бу-

магу, перетянутое цвета ясного неба ленточкой. Это что-то стояло на второй снизу полке среди прочих книг. Я посмотрел на Фейт, она внимательно смотрела на меня всё время, и я решил, она поймёт, что я хочу спросить.

– Эту книгу подарила мне мама на мой одиннадцатый день рождения. Если честно, я не знаю, что именно находится в свёртке. Mamочка подарила мне её со словами (и в открытке написала слово в слово, поэтому я уже наизусть выучила её послание): «Моя маленькая девочка, моя Фейт, я знаю, ты очень терпеливая и честная, в частности, и перед самой собой, поэтому всё сделаешь правильно. Разверни этот свёрток тогда, когда почувствуешь, что нашла того человека, которому будешь готова подарить своё сердце, своё доброе и волшебное сердце. Ему так повезёт, моя дорогая. Будь счастлива! Я тебя люблю!»

– Ты хочешь сказать, что до сих пор не посмотрела, что там?!

– Нет. Ведь есть условие, – для неё это, без сомнений, очевидно.

– Да ты просто святая. У меня бы точно не хватило терпения.

Почему-то Фейт как-то передёрнуло, улыбка не исчезла, но стала не такой открытой, и она ответила:

– Я не святая, я нормальная, – возразила она, ставя книгу на её законное место.

Мне показалось, что она обиделась, но я даже представить

не могу, на что. Не успел я проанализировать ситуацию, как вернулась прежняя Фейт и спросила:

– Хочешь я расскажу тебе про свою маму?

– Конечно, хочу! – наверно, я слишком радостно ответил, но мне, правда, очень хотелось узнать о женщине, родившей и воспитавшей такую чудесную дочь.

ФЕЙТ

Я рассказала Картеру о смерти мамы всё, что вы уже знаете. Ещё рассказала о том, что сначала она была прекрасным дизайнером одежды, а потом вместе со своей подругой они учредили фонд помощи детям и взрослым с гематологическими заболеваниями. Успешную карьеру модельера маме пришлось оставить, о чём она ни капельки не пожалела, ведь она стала заниматься именно тем, чем всегда хотела – помогать людям, которым эта помощь необходима. Конечно, маме продолжали поступать частные заказы, и она их выполняла, а все заработанные средства перечисляла в фонд. Иногда шила наряды для подопечных фонда, все всегда были очень довольны. Интересных и нужных знакомств у мамочки было довольно много, поэтому фонд довольно быстро рос и развивался, он помогал и спасал, любил и оберегал каждого своего подопечного. Мама отдавала всю себя своей любимой работе – взрослым, детям с родителями, врачам, сотрудникам, благотворителям, волонтерам. Но, конечно, и на нас у неё было время, мы очень часто были втроем, мы так друг друга

ценили и любили, как ценим и любим сейчас...

Я старалась участвовать в жизни фонда как только могла. В школе и в школе искусств мы постоянно устраивали благотворительные ярмарки, аукционы, акции. Я и мои друзья помогали при любой возможности. В силу возраста нам нельзя было быть полноценными волонтерами и донорами крови, но мы тоже старались не отставать. Вы даже не представляете, как сейчас я скучаю по всему и всем, как я хотела продолжить мамино дело. Сейчас фонд продолжает существовать без мамы, которая всегда была и остаётся главным его вдохновителем. Я знаю, она счастлива, что её дело продолжает жить.

Иногда нам всё-таки разрешали приходить в больницы, но мы приходили не просто так, а с концертами. С ребятами из школы искусств мы устраивали музыкальные вечера, играли на различных музыкальных инструментах и пели. Мы всё время призывали детей и их родителей не стесняться и подпевать, если они знают слова, сначала всегда были слышны тихие голоса нескольких самых смелых детей и родителей (конечно, иногда находились и очень раскрепощённые дети или взрослые, они сразу пели громко), но несколько последних номеров мы всегда пели все вместе, даже самые скромные подпевали, мы добавляли номера, чтобы продлить эту атмосферу абсолютной беззаботности и лёгкости. Вот это настоящее счастье. Мы заряжались от таких встреч невероятно, я лично следующую ночь всегда не спала, просто не

могла заснуть от переполнявших меня чувств и эмоций, а вообще их надолго хватало.

– А как звали твою маму? – прервал повисшее в воздухе минутное молчание Картер: я закончила свой рассказ и задумалась, глядя на мамину фотографию. Если честно, то я даже забыла, что в комнате я не одна. Но голос Картера меня несколько не напугал, ощущение его присутствия было для меня столь же органичным, сколько и недавнее ощущение одиночества.

– Хлоя Морин. Хлоя – значит, «свежая, как зелень». Моя мама.

– Правда? Хлоя Морин – твоя мама? – пока я не понимаю, что происходит, но Картер очень удивился, услышав имя моей мамы.

– Да. Ты её знаешь?

– Нет, лично не знаю. Но я знаком с фондом, про который ты сейчас рассказывала. Ты не сказала название, поэтому я не сразу сообразил. «Добрые сердца», да? Так ведь называется фонд?

– Да, всё верно. – Если честно я не знала, что спросить дальше. Может быть, по тем или иным причинам Картер не захочет рассказывать, как именно он узнал про фонд, может быть, не захочет вспоминать.

Но Картер начал свою историю сам:

– Наверно, пришло время рассказать тебе мою историю? –

он так загадочно улыбнулся, что я сразу поняла, рассказ будет длинный и откровенный, хотя я даже не могла представить насколько.

– Да, я бы очень хотела узнать про тебя всё, чем ты сможешь и захочешь со мной поделиться. Если хочешь, можем переместиться в комнату с роялем. Мне кажется, тебе там будет комфортнее всего.

– Да, спасибо, если ты не против, давай пойдём туда.

КАРТЕР

– Да, спасибо, если ты не против, давай пойдём туда, – сказал я, но подумал совсем о другом: «На самом деле мне всё равно, лишь бы ты была со мной».

Наши родители переместились из столовой на улицу, развели костёр, укутались в тёплые пледы и так же продолжали просто болтать. Мы посмотрели на них через окна первого этажа, а сами поднялись на второй, оказавшись в моём самом любимом месте этого дома, когда за окном уже темно, оно выглядит по-другому, не так, как днём, ещё волшебнее и сказочнее. Фейт не стала включать свет. Свет с лестницы и от костра на улице доходил и до этого места, да и на самом деле в присутствии Фейт никакие дополнительные источники света не нужны.

Она села на мягкие подушки, разбросанные по периметру пола, я последовал её примеру. С минуту мы молчали, но потом Фейт всё-таки прервала тишину:

– Ты хотел рассказать свою историю, – сказала она, глядя прямо на меня.

Да, конечно, я помню. По-моему, я так только подумал, а может быть, и сказал тоже.

– Огромное количество людей в Америке и даже во всём мире смогут, наверно, рассказать про мою жизнь гораздо лучше и подробнее меня, но я попробую. Надеюсь, мы пробудем здесь как минимум целое лето, успеем ещё поговорить друг с другом, доскажем недосказанное сегодня. Я родился и до тринадцати лет жил в Чикаго, там же прошла молодость моих родителей, там они и познакомились. Мой папа – гитарист, а мама – джазовая певица, раньше у них была своя группа, которая, кстати, была довольно популярна в своих кругах, они зарабатывали немного, но на жизнь хватало, ведь главное, что они занимались действительно своим делом, но три года назад всё изменилось. Три года назад бешеная популярность пришла ко мне, и жизнь всей нашей семьи резко поменялась. Я рос в музыкальной семье, родители мамы и папы тоже были тесно связаны с музыкой, в нашем доме музыка была всегда. В три года я начал петь, подыгрывая себе на барабанах от ударной установки, которая стояла у нас в гараже. Потом, конечно же, папа начал учить меня играть на гитаре, а мама стала заниматься со мной вокалом, бабушки и дедушки тоже не отставали. Но так как у всех были всё-таки и свои дела, меня было решено отдать в музыкальную школу по классу вокала и гитары. Директором школы был давний

друг папы, поэтому за качество образования все были спокойны. И вот началось моё полное погружение в этот удивительный мир – мир музыки. Всё свободное от учёбы время я проводил в музыкальной школе, помимо гитары к тринадцати годам я вполне неплохо играл на фортепиано и ударной установке, и конечно же, я постоянно пел. Принимал участие во всевозможных концертах и конкурсах, меня ещё больше вдохновляли талантливые и влюблённые, как и я, в музыку люди, с которыми мне приходилось встречаться в музыкальной школе и на всех выступлениях. На самом деле я слышал в свой адрес всегда массу приятных и лестных слов, и хоть я был довольно здравомыслящим мальчиком, как говорили мои родители, но всё-таки деньги и слава могут оказать сильное влияние на каждого. Ни о каких деньгах и славе речи пока не было, но я начал замечать в своём поведении определённые моменты, которые мне жутко не нравились. Я решил, что мне нужна критика, здравая или даже совсем необоснованная, но мне просто необходимо посмотреть на себя с какой-то другой стороны. Я начал записывать на видео каверы известных песен и выкладывать на YouTube. За первые недели мои видео посмотрели, наверно, всего человек пятьдесят, но для меня каждый этот просмотр был очень ценен, люди оставляли комментарии, чаще всего меня хвалили, но были и нелицеприятные отзывы, и вот как раз они и были мне нужны, они меня ободряли и не давали расслабляться. С каждым днём число моих подписчиков и количе-

ство просмотров моих видео увеличивалось, я добавлял новые видео, но даже представить не мог, что проснувшись однажды утром и зайдя в свой аккаунт, я обнаружу три миллиона просмотров одного из своих видео и огромное число комментариев. Как потом оказалось, один известный артист разместил ссылку на моё видео на страничке в одной из социальных сетей, добавив к ней комментарий: «Я спокоен за будущее нашей музыки». Мне было приятно, действительно очень приятно, я поделился этой радостью со своей семьёй, они были тоже очень рады. Но на самом деле пока ничего не изменилось, это всего лишь популярность одного видео в Интернете, ничего больше. Моя жизнь никак не изменилась, но мне нужен был этот этап, этап признания и толчок к дальнейшей работе. А через месяц маме позвонил один продюсер и попросил о встрече со мной. Когда мама рассказал мне о таком предложении, я был просто на седьмом небе от счастья, но тут, конечно, нужно было здраво оценить ситуацию, поэтому на встрече были мама, папа и я. Мы всё хорошо обдумали и решили подписать контракт со звукозаписывающей компанией и начать работать с продюсером. Я должен был пойти в восьмой класс, но мы решили, что в сложившейся ситуации мне будет лучше перейти на освоение школьной программы экстерном, музыкальную школу я уже закончил, но продолжал заниматься с педагогами. На самом деле я был очень скромным мальчиком, иногда даже чересчур стеснительным, поначалу я жутко боялся сцены, но понимал, что

не могу никого подвести, поэтому шёл и выступал, а потом как-то получилось так, что я просто не мог больше жить без сцены, мы с ней подружились. Но всё-таки я остался скорее скромным, чем наоборот. Я писал песни, и музыку, и тексты, но боялся показывать свои творения кому-то, кроме членов своей семьи, но всё же рискнул спеть одну из своих песен продюсеру. Он сказал, что песня ему понравилась, мы решили записать её на студии, потом отправили её на радиостанции, а затем начали готовиться к съёмке первого в моей жизни клипа. И разве мог я представить, размещая в Интернете пару месяцев назад свои видео, что всё так быстро изменится?! В общем, около года мы записывали песни, старались включать их в ротацию, ездили по всей стране, выступая где только было можно и вот через год ко мне пришла настоящая слава. Ко мне относились по-разному, кто-то любил беспрекословно, кто-то относился с недоверием, а кто-то люто ненавидел. Мне было важно и нужно каждое мнение, я не хотел заболеть «звёздной болезнью», но и всё-таки мне было необходимо чувствовать, что то, что я делаю, кому-то нужно. При любой возможности я принимал участие в благотворительных акциях и концертах. И вот в прошлом году меня пригласили поучаствовать в концерте по сбору средств в пользу подопечных фонда, в жизни которого участвовала твоя мама. На этом концерте мы вспомнили и её... Три года невероятных эмоций, встреч, концертов, песен, клипов, поклонников... всего, о чём можно, наверно, только мечтать.

Но всего этого для меня оказалось слишком много. Я привык всему и всем отдавать себя без остатка, всё делать честно и от всего сердца, и вот устал, ведь по большому счёту я ещё даже не взрослый человек, просто подросток. Мы долго думали, как лучше поступить, и пришли к тому, что я просто пропаду на лето, объясню всё своим поклонникам, прессе, всем, кому будут нужны мои комментарии, и немного отдохну, а потом вернусь снова. Почему-то мы уверены, что кто-то меня точно дожждётся, дождутся самые преданные поклонники, и их мы точно не оставим без награды, я обязательно вернусь как-нибудь значительно, продолжу дарить музыку своего сердца. А пока тишина и покой. Пока мы здесь.

Удивительно, но за всё время своего рассказа я ни разу не посмотрел на Фейт, но сейчас я увидел её светлое и искренне удивлённое и улыбающееся лицо, она была ещё прекраснее, чем прежде. Я чувствовал, что она задала бы много вопросов, но сказала лишь:

– Я постараюсь сделать всё возможное, чтобы ты получил то, за чем сюда приехал. Тишину и покой. И постараюсь, чтобы тебе было не скучно, но если меня будет много, ты только скажи, я тоже умею исчезать.

– Ты даже не представляешь, как я рад, что мы решили спрятаться именно здесь и именно у вас, – я практически не умею скрывать свои истинные чувства и эмоции, а сейчас мне особенно не удаётся их спрятать. Да и зачем это на самом деле? Я уверен, что здесь могу быть абсолютно честным.

– Я тоже рада. Очень.

ФЕЙТ

Казалось, что от чувств, эмоций и мыслей моя голова сейчас просто лопнет, но у меня ещё вся ночь впереди, будет время всё переварить и обдумать, а пока я предлагаю Картеру отдохнуть:

– Уже довольно поздно. Вы проделали большой путь и несомненно устали. Мне кажется, вам уже нужно поспать. Да и нам с папой тоже. Можно я отведу тебя в комнату, которая будет твоей на это лето?

– Конечно, да.

Родители уже перебрались в гостиную и смотрели какую-то комедию. Как всегда перед сном, я поцеловала папу в щёку:

– Папочка, уже поздно. Нам всем пора отдохнуть. Надеюсь, что вы последуете нашему с Картером примеру. Спокойной ночи!

– Да, дорогая, мы тоже уже скоро разойдёмся. Спокойной ночи!

Пока мы говорили с папой, Картер обменялся парой слов со своими родителями и мы пошли в наши комнаты. Моя комната и гостевая, которую мы с папой подготовили для Картера, находились рядом, их разделяла лишь стена. Другой стеной моя комната граничила с папиной, а следом располагалась комната для родителей Картера.

– Вот твоя комната, – сказал я, открывая дверь гостевой. – Если я буду нужна, я рядом, и всегда буду тебе рада.

– Спасибо тебе, Фейт! Я правда очень рад знакомству с тобой!

Да, наверно, я должна была сказать: «Я тоже очень рада». Но зачем лишние слова, ведь это и так понятно, поэтому я просто сказала:

– Спокойной ночи, Картер!

– Спокойной ночи, Фейт!

Наверно, как и у каждого человека, у меня есть свои ритуалы. Как они появляются, остаётся для меня загадкой, но они есть, и их становится всё больше и больше, это факт. У меня, по крайней мере, всё так и происходит. Например, перед сном я обязательно должна поцеловать папу, затем мамину фотографию, лежащую у меня под подушкой, встать перед окном, сказать спасибо всем за прожитый день, поцеловать крестик, включить в розетку светильник-ослик Иа, не потому что я боюсь спать в темноте, совсем нет, а просто потому что я чувствую, что ночью он должен гореть, ведь для этого его и создали. Этот светильник мы купили с мамой, когда мне было годика четыре, с тех пор он оживает каждую ночь. Вообще ослик Иа – мой любимый мультипликационный герой, его спокойствие, умиротворение, грусть в глазах, задумчивость покоряют меня с четырёх лет.

Когда все ритуалы выполнены, можно спокойно прида-

ваться сну, но так редко удаётся заснуть сразу. О многом хочется подумать, многое вспомнить, что-то запланировать, придумать, поэтому как минимум час я обычно провожу в раздумьях, и на самом деле это время проходит не зря, мне совсем не жалко отнимать каждый раз по часу ото сна, хотя спать я тоже очень люблю.

Вот и сейчас я знаю, что не смогу просто так заснуть, я даже практически уверена, что обычного часа мне не хватит, чтобы уложить в голове всё, что произошло сегодня, поэтому не буду терять время, начну размышлять.

Вообще у меня немного запоздалая реакция вот в каком плане. Часто так бывает, что я общаюсь с человеком, да, он мне приятен, иногда даже очень, но, только расставшись, спустя какое-то время, я понимаю, насколько он мне действительно нравится, насколько притягивает к себе. Тогда я несколько раз прокручиваю в голове все моменты нашей встречи, нашего разговора, всё, что в силах вспомнить, и от этого просто улыбаюсь, от этого так хорошо на душе. Потом этого человека начинает очень не хватать, но если общение с ним по какой-либо причине не продолжается, то чувства постепенно затухают, им на смену приходят новые, очень похожие, просто по отношению к кому-нибудь другому. Говоря сейчас о человеке, я не имею ввиду лишь объект противоположного пола, который нравится как потенциальный парень для меня, я имею ввиду просто человека. Это может быть и мужчина, и женщина, это могут быть и дети, и подростки.

Конечно, я ещё не так много прожила, и хоть я испытываю тёплые чувства ко всем людям, но всё-таки такие сильные чувства я испытывала не так уж много раз. Иногда общение продолжалось какое-то время, поэтому чувства получали подпитку, но иногда общение прекращалось практически сразу, поэтому всё постепенно сходило на нет, хотя, конечно, я до сих пор помню и, надеюсь, ещё долго помнить всех людей, которых, наверно, и можно назвать «своими», это такие люди, с которыми вы на какой-то одной волне, это неосознано, необъяснимо, но я уверена, многим знакомо. Когда мы уехали из Америки, почти все контакты оборвались, конечно, мы иногда переписываемся с кем-нибудь, но это уже не то. После переезда сюда я довольно долго была в каком-то упадке, как и папа, но потом нам помогли работа и учёба, а главное, люди. «Своими» для меня стали Мартин, Кейт и Луи, о которых вы ещё не раз услышите, конечно, появилось ещё много хороших знакомых. И вот теперь мне кажется, что приближается что-то большое, Картер – определённо «мой» человек, очень надеюсь, что мы не разочаруемся друг в друге, уж очень как-то всё идеально получается пока что, в общем, посмотрим, что будет дальше.

Я могу всю ночь прокручивать что-то в голове, думать о чём-то, но всё-таки спать тоже нужно, поэтому я решаю не терять время зря, ещё посидеть немного, но занимаясь более осознанным делом, хотя упорядочивание мыслей тоже немаловажное занятие, но слишком увлекаться капанием в себе

всё-таки не хочется. Я выключаю свет, залезаю под одеяло, беру свой маленький ноутбук, который в сложенном виде все обычно принимают за планшет, и набираю в поисковой строке «Картер Джонс». Как и ожидалось, моему запросу отвечают миллионы страниц в Интернете. Многочисленные фотографии, видео, статьи... И у меня есть один единственный вопрос. Как же так получилось, что я никогда ничего о нём не слышала? Ведь я живу музыкой, слушаю её постоянно, занимаюсь с детьми, постоянно ищу для них какие-то песни, просто изучаю музыкальный мир. Но о Картере узнала только сегодня. Наверно, такого просто не может быть, но факт остаётся фактом, я совсем отстала от жизни. Да, я не покупаю журналы, не смотрю телевизор, в Сети ищу только музыку, иногда фильмы и что-то по учёбе, но я ведь общаюсь с ребятами из школы, просто со знакомыми в магазинах и на улице, у нас небольшой городок, почти все знают друг друга. Наверно, я просто слишком невнимательна или зациклена только на чём-то своём, уже знакомом и родном. Может быть, я и слышала про Картера раньше, может быть, даже поддерживала разговор, но, поверьте, я, правда, осознанно первый раз узнала о нём несколько часов назад. Если честно, мне стыдно, но в то же время и радостно, потому что мне ещё только предстоит открыть для себя его песни, музыку, голос. Только предстоит узнать его как человека и вот так сразу лично, представляете. Наверно, миллионы девочек сейчас хотели бы оказаться на моём месте. Да, наверно, это

очень круто. Просто я его совсем не знаю, хотя то, что было сегодня, мне очень понравилось. Очень часто первое впечатление обманчиво, а я вообще всем всегда доверяю и верю. В общем, посмотрим, что будет дальше.

Я посмотрела несколько клипов Картера. Да, мне определённо нравится то, что он делает. Очень надеюсь, что и его фанаты проникаются музыкой и словами, а не просто восхищаются его красотой (он действительно красивый парень – высокий брюнет с карими глазами и родинкой под правым глазом). Я вспоминаю про благотворительный концерт, про который говорил Картер. Я посмотрела весь концерт, это такое доброе и тёплое событие. Выздоровевшие дети, детки, которые ещё только борются с болезнью, их родители, благотворители, артисты, выступающие вместе с подопечными фонда. Радость и грусть, вера и память, безграничная любовь друг к другу. Картеру здесь ещё 15 лет, он поёт одну из своих песен вместе с девочкой-подростком, которая вот-вот выздоровела, она ещё слабенькая, но невероятно красивая и сильная. Хрустальный получился дуэт. Я знаю, что положительные эмоции по-настоящему помогают выздоравливать и восстанавливаться, поэтому я очень рада, в частности, за эту девочку, такие сильные эмоции точно не пройдут даром. Из небольшого ролика перед песней мы узнаём, что девочку зовут Николь, ей 14 лет, и она мечтала встретиться с Картером (я уверена, что все четырнадцатилетние девочки мечтали именно об этом). Здорово, очень здорово, когда мечты

сбываются. Как только прозвучали все номера, на экране появилась моя мама, потом и мы с папой тоже, вся наша семья. Я замерла, потому что никак этого не ожидала. И где только они нашли эти фотографии? Наверно, папа сам отправил их маминой подруге с извинениями, что мы не сможем приехать, с благодарностью за приглашение, за память. А мне он ничего не говорил, чтобы не теребить лишний раз душу. Ни мою, ни свою. Конечно, все всё понимают. Вот мама играет с детьми в больнице, вся в краске от детских ручек. Вот она представляет свою благотворительную коллекцию одежды. А вот мы с мамой и папой прыгаем высоко вверх, держась за руки. Показ фотографий сопровождается рассказом про маму. Да, она была самая лучшая. Я буду счастлива, если смогу прожить свою жизнь, принеся хотя бы какую-то долю той пользы, которую принесла миру она. Моя мама.

Я совершенно не помню, как заснула, организм меня всё-таки победил. На улице уже светло, и я с уверенностью могу сказать, сколько сейчас времени. Шесть часов утра, я всегда просыпаюсь в это время. Всегда, во сколько бы ни легла спать накануне.

Я умываюсь, одеваюсь и осторожно спускаюсь вниз: все ещё спят, не хочу никого разбудить. На улице пахнет дурманящей свежестью. Наверно, за два года я уже должна была к ней привыкнуть, но нет, пятнадцать лет городского воздуха просто так не забудешь. Мой верный друг велосипед ждёт

меня в гараже, но я решаю пойти пешком, чтобы не напугать лосей, хотя, по-моему, они уже привыкли к моему железному спутнику. Я иду в лес к своему любимому дубу, идти до него минут десять, и я уверена, что даже с закрытыми глазами смогу его найти, почти каждый день я прихожу сюда. Как только я нашла это дерево, мы с папой соорудили конструкцию, чтобы я могла забираться на ближайшую к земле ветку (это примерно пять метров). Папа сделал что-то вроде буквы П, на которой закрепил сделанную мной верёвочную лестницу. Несколько раз папа тестировал наше сооружение сам и только потом разрешил пользоваться им мне. Мы могли бы прибить реечки к стволу дерева или закрепить верёвочную лестницу на ветке, но мы и так вмешивались в привычный расклад природы, хотели принести как можно меньше вреда. Надеюсь, я не сильно врежу дубу, два года он меня терпит, и я очень надеюсь, что всё-таки приношу и ему какую-то пользу, вряд ли, конечно, но я свято верю в нашу духовную связь, я знаю, у моего дуба есть душа, у всего она есть.

Я взбираюсь по лестничке и оказываюсь там, где мне всегда спокойно, Каждое утро я прихожу сюда – думаю, размышляю, просто смотрю и слушаю, можно сказать, заряжаюсь на весь день. Здесь мы с вами и познакомились, здесь я начала свой рассказ. Внизу бродят лосиха и её лосята, и да, у меня сегодня день рождения.

Ровно год назад, когда я вернулась со своей утренней «зарядки», дома меня ждал невероятно элегантный папа с

огромным букетом белых роз, а в гараже уже обживался новый велосипед. Это был самый лучший подарок на тот момент, самый полезный и нужный, какой только можно было представить, потому что до этого на двоих у нас был только один велосипед, и мы как-то управлялись, но с появлением второго, конечно же, всё стало намного прекраснее и проще. Весь день мы провели вместе: вместе приготовили праздничный обед, вместе пообедали, посмотрели фильмы, которые давно собирались посмотреть, а потом отправились на велопрогулку по лесу опробовать новый транспорт, как видите, он прекрасно себя чувствует и по сей день, а вечером мы просто сидели и болтали, а порой просто молчали, это был единственный раз, когда папа залез на милый моему сердцу дуб. Это был самый прекрасный день рождения. Мы знали, что мама с нами.

Наш дом кажется мне таким же спокойно спящим, каким я его и оставила час назад, но, едва открыв осторожно дверь, я вижу абсолютно бодрых, сияющих и невероятно красивых папу, Картера и его родителей и понимаю, что внутри он уже совсем другой: все и всё в нём готовы к моему дню рождения...

КАРТЕР

После того как мы расстались с Фейт накануне вечером, я быстро принял душ и лёг спать, я понимал, что мне нуж-

но выспаться ради предстоящего дня, ради Фейт, а в своих мыслях уже разберусь потом, тем более ночь тоже поможет расставить всё на свои места.

Вчера, после нашего приезда, когда мы уже познакомились и немного отдохнули, Томас рассказал нам, что у Фейт будет день рождения. На тот момент я ещё не был с ней знаком, но мог представить, что у такого замечательного человека как Томас должна быть не менее прекрасная дочь. Хотя что я говорю, я даже и представить не мог, какой волшебной окажется Фейт. Томас сказал, что Фейт не любит большие праздники, не любит излишества, но очень ценит маленькие семейные праздники, такой мы и хотели устроить. Вернее, спланировал всё Томас, а мы просто поддержали.

Как сказал папа Фейт, подарки Фейт любит больше дарить, чем получать. Нет, не подумайте, что она привереда, сейчас мне уже начинает казаться, что ей нравится всё и всегда, просто она не любит излишнего к себе внимания (а есть за что), любит приносить пользу окружающим, поэтому и подарки любит полезные. И ей всегда лучше всех удаётся придумать, что же подарить человеку, а вот найти полезный подарок для неё не так-то просто. У неё, по большому счёту, всё есть, а если чего-то нет, то Фейт и без этого придумает, как справиться. Поэтому родители Фейт всегда ломали голову, что же подарить своей дочери, чтобы точно её порадовать. На пятый день рождения подарили рояль, на девятый – гитару, на шестнадцатый Томас подарил велосипед. А в этом

году решил повториться и подарить снова гитару.

– Семь лет Фейт не расставалась со своей гитарой, они порой были лучшими подружками, но в прошлом году к Фейт на занятия стала ходить девочка Кейт, ей было 12 лет, 22 ноября исполнилось 13, а через неделю у неё обнаружили острый миелобластный лейкоз. Кейт вместе с родителями уехали проходить лечение в США, Фейт, как и все жители города, провожала их и подарила Кейт свою гитару, на которой написала «До скорой встречи на большой сцене!» Фейт, – значит, вера. Она всегда верит только в лучшее. Всем городом мы собрали столько денег, сколько смогли, а на месте помог один фонд. Сейчас Кейт с родителями ещё в США, но самое страшное уже, дай Бог, позади. Всё потихоньку налаживается, в скором времени они должны приехать домой. Мы постоянно поддерживаем связь с семьёй Кейт, а Фейт общается с самой Кейт. Но это она тебе сама расскажет. Вообще у Фейт нет запрещённых тем, она полностью открыта для общения, с ней очень легко.

Тогда я даже не представлял, насколько действительно удивительна его дочь. Тогда было всё просто. Накануне папа Фейт вместе с моими родителями пекут торт, пока мы с Фейт знакомимся, утром мы встаём, как только Фейт уходит на свою ежедневную прогулку, а когда приходит, то её встречаем весёлые и красивые мы с гитарой, тортом и, конечно же, шариками (вот их Фейт очень любит). Всё просто, так, как любит Фейт.

Пока мама завязывала папе галстук, а потом доводила и свой внешний вид до совершенства (пользуясь случаем, хочу признаться, у меня просто обалденные родители, внешняя и внутренняя красота – всё при них), я смотрел в кухонное окно, чтобы не пропустить Фейт. Минут через семь после того как я занял свой пост, из леса вышла Фейт. Боже, какая же она светлая, я чуть не забыл, в чём заключалась моя миссия, но всё-таки вовремя вспомнил, мы быстренько собрались перед входной дверью со всем тем, о чём я уже говорил. Дверь распахнулась, и мы сразу завели песню «Happy Birthday to you», конечно, куда же без неё. Фейт всегда улыбалась, но сейчас улыбалась ещё радостнее, вообще улыбалось всё вокруг, мы, естественно, тоже. Как только мы закончили петь, Фейт сразу же начала нас благодарить, не дав нам даже ничего сказать, но мы решили произнести свои речи за праздничным обедом, который обещал стать всё же завтраком, все что-то жутко проголодались за ночь. Мы подарили Фейт гитару, которой она была несказанно рада, она обняла нас всех по очереди, а потом всех вместе, не переставая благодарить, а потом вдруг отстранилась и сказала:

– Пойдите, никуда не уходите!

Если честно, я даже не успел осознать, что произошло, как Фейт уже снова стояла перед нами с плёночным фотоаппаратом.

– Вы такие красивые и счастливые, я никогда не прошу

себе, если не сфотографирую вас! Конечно, если вы не против.

– Да о таком фотографе можно только мечтать! Правда, Картер? – Сказал папа.

– Да, – только и смог ответить я.

Если честно, то я не ожидал, что Фейт ещё и фотографирует. Она немного нами управляла, я уже привык и знаю, что фотограф должен иногда командовать, чтобы фотографии получились, порой это выводит меня из себя (вообще я бываю вспыльчив и даже зол, вы меня ещё узнаете), но у Фейт это получалось крайне деликатно и мило. Да, о таком фотографе действительно можно только мечтать.

– Мне кажется, фотографии получатся замечательные, – сказала мама.

– Я совсем не фотограф, но мне тоже кажется, что фотографии удались, просто потому что на них вы, – это Фейт говорила, уже поднимаясь по лестнице в свою комнату, чтобы отнести фотоаппарат обратно.

– На самом деле она с детства увлекается фотографией, это её вторая страсть после музыки. Они с Хлоей обожали фотографию, иногда уходили на целый день, гуляли где-то, а потом приходили счастливые, только потому что удалось поймать удачный кадр, а потом весь вечер или даже ночь проявляли снимки, закрывшись в ванной, иногда и я играл в их игры, вот это было счастье, – речь Томаса была светлой, наверно, он уже просто истратил всю грусть и печаль, поло-

женные ему в этой жизни, остались только радостные воспоминания, радость ещё осталась.

– Мне не терпится попробовать торт, папочка! – сказала Фейт, спускаясь с лестницы, она подошла к Томасу ещё раз обняла его и поцеловала в щетинистую щеку.

– В этот раз я пёк его не один. Тейлоры непосредственно участвовали в процессе, а Картер отвечал за то, чтобы ты ничего не заметила, – с улыбкой сказал Томас.

– Так значит, это было только задание? – лукаво обратилась ко мне Фейт.

– Нет, нет, просто всё так совпало...

– Да ты что, я пошутила. Всё в порядке. Давайте есть торт!

После завтрака мы все вместе часа два просто разговаривали. Потом папа Фейт предложил сходить всем вместе в город, нужно было что-то купить, и просто он хотел познакомиться меня и маму с окрестностями, а папе показать, что изменилось со времён их детства, а что нет. Мои родители сразу же согласились, а мы с Фейт решили остаться дома, обыграть подаренную ей гитару, а вечером сходить в город, всё равно сегодня у Фейт были занятия с детьми, даже в свой день рождения она их не отменяла.

– А зачем? – ответила она, когда я спросил, почему она не освобождает этот день. – Для чего? Ведь у меня нет каких-то особых планов на вечер, поэтому я не вижу смысла их отменять. Тем более всё-таки это моя работа, любимая

работа. Каждое занятие – это праздник, а двойной праздник ведь даже лучше, не так ли? Ты ведь, наверно, тоже выступал в свои дни рождения?

– Да, выступал, конечно. Ты права, ты абсолютно права, мне кажется, ты вообще всё делаешь и говоришь правильно. Я...

– Ты же привёз с собой гитару? Может быть, поиграем вдвоём? Где тебе будет комфортнее? – совершенно неожиданно перебила меня Фейт.

– Да, она у меня в комнате. Ой, вернее, в той комнате, которую вы для меня выделили. Конечно, давай поиграем вдвоём, с удовольствием. Если честно, я без ума от помещения с роялем.

Я сам заметил, что ответил как-то быстро и так же быстро замолчал, просто не знал, что сказать дальше, честно, я не ожидал, что Фейт меня перебьёт.

Мы молча поднимались по лестнице на второй этаж, когда она прервала тишину:

– Прости, пожалуйста, Картер. Просто... просто слова восхищения в мой адрес звучат так часто, что... В общем, прости, пожалуйста, что перебила тебя. Вот, я даже не могу объяснить почему.

Прелестный румянец, выступивший у неё на щеках, говорил о том, что и так было заметно невооружённым глазом: Фейт было стыдно, очень стыдно. Но если бы такие поступки были самым ужасным, что только можно было бы пред-

ставить, мир был бы прекрасен.

– Я всё понимаю. Правда.

– Я знаю, что ты понимаешь. Спасибо! – и лицо Фейт вновь озарила улыбка.

Комнату с роялем мягко освещало солнце, всё вокруг – Фейт.

ФЕЙТ

– Знаешь, ночью я послушала несколько твоих песен, посмотрела некоторые видеозаписи, и мне понравилось, честное слово, но пока что я ещё не до конца прониклась твоим творчеством, просто нужно немного времени, чтобы всё осознать. Пожалуйста, спой какую-нибудь свою песню, мне так хочется тебя послушать. Если, конечно, ты не против.

– Конечно, я спою тебе совершенно новую песню. Ты будешь первым человеком, которому я её покажу. Она немного отличается от предыдущих композиций, но ведь я взрослею и меняюсь, соответственно, взрослеет и меняется вместе со мной моя музыка.

Картер начал играть, а потом и запел. Если честно, то было так хорошо и спокойно, что я как будто ничего не помню, но в то же время помню абсолютно всё. В песне пелось про счастье, вот такое простое, самое обыкновенное счастье. Семья, дети, здоровье, работа по душе, друзья, хобби... Счастье – это так просто.

КАРТЕР

– Фейт, ты в порядке? Фейт, всё хорошо? – я спрашивал это уже в пятый раз и, наконец, она ответила.

– Да, да, всё хорошо! Просто я задумалась. Прости, пожалуйста! Спасибо тебе, песня потрясающая, такая добрая и искренняя. Спасибо!

– Это тебе спасибо, ты прекрасный слушатель. Я всё время смотрел на тебя, ты, правда, на меня не смотрела, но так улыбалась, что это меня невероятно вдохновляло.

– Прости, пожалуйста, просто я улетела куда-то. В следующий раз, обещаю, буду на тебя смотреть, может быть, не всегда, но буду.

Я почему-то засмеялся.

– Хорошо, договорились! И перестань, пожалуйста, постоянно просить прощения, я начинаю чувствовать себя монстром.

Улыбка на её лице немного померкла, но потом появилась вновь.

– Хорошо, конечно, я постараюсь. Прости...

И вот тут мы уже засмеялись оба. Смех Фейт похож на родник в какой-нибудь жаркой пустыне, он вдохновляет, оживляет, исцеляет, даёт силы, заставляет жить. Мне так захотелось её обнять. Но пока мы ещё не достаточно близки, поэтому пришлось сдержаться. Да, надеюсь, что только пока.

Мы опробовали новую гитару Фейт, немного поиграли, попели, потом звуки в моём животе возвестили нас о том, что хорошо бы было перекусить, и мы спустились в кухню.

– Чай или кофе?

– Кофе.

– Хорошо, а я буду чай. Тебе какой кофе? Эспрессо, латте,

...

– Я буду чай.

– Картер, послушай, мне совсем не сложно сделать для тебя кофе.

– Прости, пожалуйста, но я действительно передумал, я буду чай. Такой же, как и ты.

– Хорошо, – согласилась Фейт, достала чашки, а потом улыбнулась и добавила, – и не извиняйся, я начинаю чувствовать себя монстром.

Господи, если бы все монстры были такими, я, наверно, не боялся бы их в детстве.

– Твой папа говорил про Кейт, девочку, у которой...

Я не знал, как правильнее выразиться, пауза затянулась, поэтому Фейт сама закончила мою фразу самым спокойным и естественным голосом, какой только можно представить:

– У которой рак крови, а точнее, острый миелобластный лейкоз. Да, Кейт замечательная девочка. Что ты хочешь про неё узнать?

– Томас сказал, что ты подарила ей свою гитару...

– Да, всё верно. Она чудесная. Когда узнала про свой ди-

агноз, всем своим видом старалась показать, что не переживает, чтобы, главное, родители видели её спокойствие и хоть немного заражались им. Но тут любой человек испугается, неизвестность пугает, правда? Мы с ней очень сдружились, мне так захотелось подарить ей что-нибудь, и почти сразу я решила подарить именно гитару, свою гитару. Она была дорога нам обеим, на ней я начала учить Кейт играть, я знаю, она продолжила заниматься в больнице, когда, конечно, состояние позволяло. Я знаю, она скоро вернётся, и мы с ней ещё сыграем и споём. Да, обязательно.

– Ты так спокойно говоришь об этом... Ну, это же так...

– Страшно?

– Ну, да.

– Конечно, но на самом деле всё не так ужасно, как мы себе представляем, не столкнувшись с этим. На мой взгляд, лучше так и продолжать бояться, но никогда не сталкиваться, но раз уж так случилось, то сдаваться, конечно, не нужно, да этого никто и не делает. Медицина не стоит на месте, развивается с каждым днём, это вселяет уверенность. А ещё, не могу точно сказать про все тяжёлые заболевания, но детей с онкологическими и онкогематологическими заболеваниями на протяжении всей болезни сопровождает огромное количество неравнодушных людей. Конечно же, это врачи, весь медицинский персонал, различные фонды, волонтёры, психологи, благотворители. Добро и зло иногда ходят вместе, вот это именно такой случай. И всё-таки в большинстве

случаев добро побеждает, это тоже вдохновляет. На самом деле столько всего можно сказать по этому поводу, но главное, что всё не так ужасно, как мы себе иногда представляем. Онкология это не приговор. А ещё иногда случаются просто невероятные чудеса. Твой чай, наверно, уже остыл. Хочешь, я налью тебе ещё?

Да, действительно, я совсем не притронулся к чаю. Если честно, то я даже не заметил, как Фейт поставила чашку передо мной. В то время, когда она всё мне рассказывала, абсолютно естественно попивая свой чай, я, как замороженный, как губка, впитывал каждое слово Фейт, уткнувшись в позолоченную ручку на кухонном шкафчике за её спиной. Если честно, я просто боялся, что не смогу удержаться, поцелую её и всё испорчу. Её голос и слова заставили меня задуматься, поэтому я не сразу отреагировал на её обращение ко мне.

– Нет, спасибо.

– Картер, всё в порядке?

– Да, да, всё хорошо, – хотя на самом деле я так не думал.

Мне было необходимо проветриться, поэтому я предложил:

– Давай прогуляемся? Ты обещала провести экскурсию, – сказал я, натянув свою самую обворожительную улыбку.

– Если честно, то я хотела предложить тебе сначала другое занятие, а потом уже погулять, но раз ты хочешь, конечно, пойдём на улицу.

– А что ты хотела предложить?

– Узнаешь, когда вернёмся, сейчас же мы всё равно решили погулять.

– Фейт, пожалуйста, – моя улыбка была ещё при мне.

– Ну, миллионы девочек, наверно, не устояли бы перед твоей вот этой улыбкой. Что ж, я тоже обычная девчонка, долго ломаться не буду, да и нет смысла. Я хотела предложить тебе проявить сегодняшние фотографии, но, конечно, это можно сделать и потом.

– Нет, нет, пожалуйста, давай сейчас. А погуляем потом, хорошо?

– Хорошо, Картер.

ФЕЙТ

Первый раз я проявляла фотографии вместе с мамой. Вообще к фотографии приобщила меня именно она, влюбила в это искусство окончательно и бесповоротно. Мы всегда проявляли фотографии вместе, после её смерти я ещё ни разу не фотографировала на плёнку, но сегодня очень захотелось. Соответственно, после почти двухгодичного перерыва это была первая проявка, процедуру я знала наизусть уже в семь лет, и мне кажется, я никогда её не забуду. Сначала нужно в полнейшей темноте размотать плёнку, намотать её на катушку бачка для проявки. Затем нужно залить в бачок разведённый ранее проявитель, – процедура довольно тонкая, но я не буду сильно вдаваться в подробности, не буду нагружать вас. Скажу одно, вода должна быть дистиллиро-

ванной или же профильтрованной и прокипячённой, рабочая температура растворов должна оставаться постоянной, это +20 °С. Теперь можно включить свет, и в течение всего времени, пока проходит проявка, каждую минуту нужно прокручивать бачок по часовой стрелке. Время проявки в зависимости от марки, концентрации проявителя и типа плёнки бывает разным, в сегодняшних условиях это будет девять минут. А вообще, очень важно правильно определить время проявки, иначе плёнку можно просто испортить. После истечения девяти минут нужно вылить из бачка проявитель и сразу же залить в него стоп-раствор, это делается для того, чтобы остановить проявку и промыть плёнку. На следующем этапе нужно слить стоп-раствор и залить фиксаж, его держать в бачке нужно около шести минут. Фиксаж можно подержать и подольше, чтобы плёнка со временем не потемнела. Затем, чтобы смыть фиксаж, нужно тщательно промыть плёнку дистиллированной или профильтрованной и прокипячённой водой. Данный процесс занимает обычно от десяти до двадцати минут, в течение которых необходимо время от времени вращать бачок для проявки и менять воду. Теперь нужно аккуратно протереть плёнку губкой и повесить на верёвку, закрепив прищепками и прикрепив несколько прищепок снизу для тяжести, в помещении, где меньше всего пыли, обычно мы с мамой оставляли плёнку в ванной комнате, так сделаем и сегодня. Плёнка должна просушиться не менее двух часов, мы обычно оставляли часа на три. Всё, вот

такая волшебная процедура. А за ней ещё одна – печать фотографий, но об этом чуть позже.

Я прокручиваю в голове всю последовательность действий, пока мы поднимаемся по лестнице в мою комнату, Картер сказал, что никогда раньше не проявлял фотографии и ему очень интересно, постараюсь его не разочаровать.

Коробка со всем необходимым стоит под кроватью рядом с коробками с нотами, виниловыми пластинками с музыкой всех времён и народов, многочисленными фотографиями и фотоаппаратами плёночными и зеркальными, среди них есть даже ценные экспонаты, уникальные фотоаппараты, доставшиеся нам с мамой от моего дедушки.

– Вот это да! Я видел такие только в фильмах, – воскликнул Картер, когда я сняла крышку с коробки, в которой лежали дедушкины фотоаппараты.

– Да, это фотоаппараты, которые подарил нам дедушка, у них с бабушкой дома огромная коллекция фотоаппаратов, но наша с мамой тоже очень ценная, для нас-то уж точно. Вот, например, этот подарил дедушке его друг, он тоже был фотографом, военным корреспондентом, остальные два уже приобрёл сам дед. Вот этот, – рассказывала я, показывая Картеру небольшую лейку, – первый дедушкин фотоаппарат, я тоже первый свой снимок сделала на него, а с этим, – продолжала я, доставая из коробки уже довольно массивный фотоаппарат с длинным объективом, – дедушка ездил в Арктику, фотографировал животных. Лично у меня два фотоап-

парата: один плёночный, а другой – зеркальный цифровой.

– Значит, твой дед – настоящий фотограф? Что именно он фотографировал? – спросил Картер.

Если честно, я очень люблю рассказывать про своего дедушку, да про всю свою семью, поэтому мне был приятен вопрос Картера. Было приятно, что ему интересно.

– Да, мамин папа – фотограф. Ты бы видел их с бабушкой дом, в нём всё пропитано фотографией как искусством, мне очень нравится у них бывать, но с тех пор как мы переехали сюда, я там не была. У дедушки большая коллекция фотоаппаратов и объективов, много своих фотографий и фотографий других авторов, которые разными путями попали к нему: какие-то подарили, какие-то дедуля купил, какие-то просто каким-то чудом оказались у него. Дедушка по образованию экономист, но, окончив университет, понял, что экономика точно не для него. С юношества он увлекался фотографией, за время учёбы ему удалось заработать себе на хороший фотоаппарат, и дедушка решил заниматься тем, что ему действительно нравится – фотографировать. Сначала это были какие-то небольшие заказы (свадьбы, дни рождения, просто фотосессии), потом его заметили, стали предлагать снимать рекламу и репортажи для журналов, дедушка стал неплохо зарабатывать, но большую часть своих доходов откладывал на главную на тот момент мечту – поехать в Африку, чтобы привезти оттуда снимки горя, свалившегося на беженцев, которые стали абсолютно никому не нужны, пока-

зять всему миру, что пока мы довольно беспечно живём, рядом с нами такие же люди, как и мы, каждый день борются за жизнь, а так не должно быть, нужно что-то менять, определённо нужно что-то менять. И он заработал достаточно денег на эту поездку, всё увиденное им там потрясло его до глубины души, ему хотелось кричать, что он и пытался делать посредством своих снимков. Его фотографии покупали самые популярные издания, по всему миру устраивались выставки с его работами, выпускались альбомы, но в Африке ничего не менялось, по большому счёту всем так и продолжало оставаться всё равно, да, может быть, сочувствие было, но действий никаких, это расстраивало деда, он устраивал аукционы, сборы средств в пользу беженцев, что-то собиралось, дедушка направлял купленные на них продукты и лекарства в Африку, но глобально всё равно всё оставалось по-прежнему, на других концах планеты появлялись другие беженцы, и история повторялась. Дедушка ездил в горячие точки, снимал войны, какие-то важные перевероты и события, пытался показать людям правду, но не всегда правда была нужна, а даже если и оказывалась нужной, редко побуждала к каким-то действиям. На время дедушка даже отложил фотоаппарат, но знакомство с бабушкой вернуло его к жизни фотографа. Бабушка была главным редактором самого популярного на тот момент издания про природу, про разные уголки Земли, про путешествия. И дедушка снова взялся за фотоаппарат, но теперь работа отнимала у него не так много

душевных сил, как раньше. Он ездил по миру и фотографировал людей, животных, горы, леса, озёра, моря, вулканы... его работа стала спокойнее, не считая встречи лицом к лицу с самыми кровожадными хищниками, постоянных рисков куда-нибудь провалиться, где-нибудь застрять, увязнуть, погибнуть, одним словом, но это пустяки, главное, снимки получались потрясающие, дедушка стал штатным фотографом журнала, в котором работала бабушка. Через год после знакомства они поженились, а ещё через год родилась моя мама. Они очень переживали, когда мамы не стало. До сих пор не могут прийти в себя. Я так хочу, чтобы у бабушки с бабушкой появился пусть даже маленький музей, им есть что показать и о чём рассказать миру. Это бы их заняло. Но они молодцы, постоянно находят себе какие-то занятия, так легче переживать утрату.

Я поймала себя на мысли, что на протяжении всего своего длинного монолога мы не отрываясь смотрели с Картером друг другу в глаза. На самом деле смотреть кому-то так долго в глаза непросто, всё равно взгляд куда-то отлучается периодически, но сейчас мы просто застыли.

– О Боже, Картер, прости, пожалуйста, что замучила тебя своими разговорами. Просто, да, о своей семье я могу говорить бесконечно. Прости, – сказала я, задвигая все коробки, кроме коробки с необходимым для проявки, под кровать.

Картер ещё секунду был в зависшем состоянии, потом вскочил, помог мне с коробками и всё-таки ответил:

– Не за что просить прощения. Было очень интересно, у тебя удивительная семья. Пойдём гулять, и я расскажу тебе о своей, если ты не против.

– Конечно! С удовольствием послушаю.

– Ну, не знаю насчёт удовольствия, рассказываю я не так интересно, как ты, поэтому заранее прошу прощения, но надеюсь, истории моей семьи сами сделают своё дело и мой рассказ будет не так ужасен, – и Картер засмеялся. – Если петь я ещё как-то могу, то вот говорить точно не мой конёк.

– Ну, тогда спой. У тебя будет время подумать, прояска – очень спокойное занятие, можно много всего обдумать. Но в любом случае я буду просто рада узнать что-то про твою семью. И перестань превозносить меня, я не сказала ничего особенного. Меня это раздражает, прости.

Чтобы не завести любимую мною шарманку про своё «ангельство» я решила всё-таки перейти к делу, взяла коробку, повернулась к двери, но тут Картер молча перехватил коробку и сам понёс её в ванную комнату.

– Ну, я готов к волшебству. Оно, правда, началось сразу же, как только мы приехали сюда, но сейчас будет что-то необыкновенное, не так ли? – у Картера и правда горели глаза, я улыбнулась.

– Я помню, как ждала своего первого раза. Да, это волшебство. На самом деле просто химия и физика, но даже понимание всего процесса не делает его менее замечательным. Итак, начнём.

Мы делали всё по инструкции из моей головы.

Когда я сильно сосредотачиваюсь на чём-то, могу уйти в себя, даже если рядом кто-то есть, даже если этот кто-то мне небезразличен. Конечно, я всё слышу и на всё реагирую, просто могу разговаривать сама с собой, что-то бубнить себе под нос. Я очень переживала, что забуду какой-нибудь этап, забуду что-нибудь сделать или сделаю неправильно, поэтому несколько раз проговорила последовательность действий перед началом и потом иногда говорила что-то тихо, Картера это очень смешило, но я ничуть не обиделась, сама бы над собой смеялась, наверно, если бы увидела со стороны.

Мы довольно ловко управились. Конечно, вместе веселее и интереснее. Оставив плёнку сушиться, мы, как и планировали, отправились гулять.

– А печатать фотографии мы тоже будем сами? – спросил Картер, когда мы спускались по лестнице.

– На самом деле у нас есть оборудование, чтобы печатать фотографии самим, но после смерти мамы я никогда этим не занималась. Если честно, то мне просто не хочется делать это без неё, поэтому я отношу плёнки Мистеру Питерсу, – ответила я. – Представляешь, ему уже девяносто лет, а по своей активности он переплюнет любого двадцатилетнего юношу. Удивительный человек, в котором столько жизни и энергии, что просто диву даёшься. Обычно я захожу к нему утром перед школой, а во время каникул – перед занятиями в сту-

дии, мы пьём травяной чай и разговариваем, а иногда я просто слушаю, интереснее собеседника сложно найти. Раньше Мистер Питерс занимался фотографией в сфере моды и рекламы, фотографировал для различных брендов, на модных показах, ковровых дорожках. Он был очень востребован и известен, но в шестьдесят лет ему захотелось покоя, он вернулся туда, где родился, оборудовал гараж под помещение для печати фотографий и небольшой музей-склад своих работ, журналов, в которых работал, рекламных постеров, которые придумал, а ещё всевозможных наград. В общем, волшебное место, я очень люблю бывать там. Но на печать фотографий никогда не остаюсь. Во-первых, не хочу мешать, всё-таки это довольно интимный процесс. А о второй причине я уже говорила. Мистер Питерс предложил один раз, я объяснила ему, что очень бы хотела, но не могу, потому что хочу оставить это занятие нашим с мамой. Он всё понял и больше не предлагал, очень тактичный, добрый и вежливый человек, как мой дедушка, они, кстати, похожи, наверно, не зря оба стали фотографами и оба такие удивительные и тёплые, – договорила я, когда мы уже вышли из дома. – Я обязательно вас познакомлю.

– Конечно, спасибо, буду очень рад.

КАРТЕР

– Ну, вот и наш город, – сказала Фейт, когда мы, наконец-то, вышли из леса.

Шли мы около получаса, за это время, как и обещал я рассказал Фейт о своей семье. Как вы уже знаете, мои родители – музыканты до мозга костей, познакомились они тоже благодаря музыке. Оба учились в музыкальном колледже, свели их общие друзья, которые решил создать группу, гитаристом в которой стал мой папа, а вокалисткой – моя мама. Тейлор и Тейлор, ДаблТейлор – вот так их называли все вокруг. В группе были ещё барабанщик и бас-гитарист, они играли в основном джаз, но в принципе могли исполнить любую музыку, их группа объездила весь мир и везде имела успех, но после моего рождения жизнь родителей поменялась, они решили всех себя посвятить семье. Мама стала давать частные уроки вокала, а папа устроился в школу искусств педагогом по гитаре, всё свободное время мы, конечно же, проводили вместе. По праздникам или иногда просто по выходным родители вместе со своими друзьями-музыкантами всегда играли и пели, и сколько я себя помню, я всегда участвовал в их представлениях. В общем, у нас самая настоящая музыкальная семья. Родители мамы не поддерживали стремление своей дочери к музыке, поэтому с 15 лет мама жила одна, ну, пока не встретила папу. Бабушка и дедушка были врачами и хотели, чтобы и их дочь стала «нужной и полезной» ячейкой общества, но мама была абсолютно уверена, что музыка тоже нужна и важна, если уж на то пошло, то музыка тоже лечит и очень часто. Моё рождение снова сблизило маму с бабушкой и дедушкой, и на моей памяти никаких разногласий у них не

было. С родителями папы всё гораздо проще: его мама была балериной, а папа – первой скрипкой в симфоническом оркестре Мариинского театра в Санкт-Петербурге, там и познакомились бабушка и дедушка, когда бабуля приехала по приглашению на год в Россию. Это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь, они знали это ещё тогда, поэтому дедушка, не раздумывая, поехал за бабушкой в США, когда ей пришло время возвращаться, через пять лет родился мой папа, а потом ещё и дядя, бабуля оставила карьеру балерины, пока её сыновья были маленькими, а потом стала преподавать в балетной школе, она до сих пор там работает, после смерти дедушки только там и пропадает, семья и маленькие ученики – её жизнь. Обожаю своих родных.

– У нас маленький городок, но очень уютный, и в принципе здесь всё есть, – рассказывала Фейт, пока мы проходили мимо аккуратненьких домиков.

– И здесь ещё очень чисто, я заметил это по дороге к вам, – добавил я.

– Да, Патерсоны превосходно выполняют свою работу, благодаря им наш город с каждым днём всё чище и чище.

– Патерсоны?

– Это большая семья. Боб, Натали и их девять детей, младшей Лизе четырнадцать лет, а старшему Дилану уже двадцать семь. И вот вся их семья обеспечивает чистоту нашего города, ну, конечно, все остальные жители тоже следят за порядком, поэтому чисто и на улицах, и у всех на участках

и в домах.

– Куда мы идём? – поинтересовался я.

– Если ты не против, то давай сначала зайдём в аптеку, некоторые лекарства закончились, потом у меня занятия по сольфеджио с моими ребятами с трёх до четырёх, а после можно сходить перекусить, у семьи моего одноклассника чудесный ресторанчик недалеко от школы, заодно и повидаемся, они давно звали нас с папой, а мы всё не дойдём никак. Ну, и просто погуляем, у нас город небольшой, можем вполне обойти его весь. Хорошо?

– Вот это план, всё супер! Я полностью за! И уже в предвкушении всего нового, – я и правда чувствовал, что сегодня произойдёт много нового: новые знакомства, новые ощущения, новые мысли, а значит, потом будет новая музыка. А ведь за этим я сюда и приехал, за спокойствием, размеренностью, тишиной и, конечно же, вдохновением.

ФЕЙТ

Я была очень рада, что Картеру понравился предполагаемый план наших действий. Было видно, что он действительно расслаблен и, наверно, даже счастлив что ли. Но не успела я порадоваться, как с Картером начало происходить что-то странное: он надел капюшон, молниеносно развернулся в мою сторону, достал из своего рюкзака огромные солнцезащитные очки, надел их, опустил козырёк кепки на лицо и продолжил идти. Я последовала за ним, совершенно не по-

нимая, что это было сейчас такое. Опомнившись, я увидела идущих нам на встречу четырёх девочек из моего класса, они всегда ходят вместе.

– Привет, Фейт! – воскликнула Стейси. Моника, Рэйчел и Кейт последовали её примеру.

– Привет, девочки! – поздоровалась я.

– Привет! – Катеру тоже пришлось остановиться. Он всячески старался не смотреть на девочек, достал телефон и уткнулся в него.

– Картер, это Стейси, Моника, Рэйчел и Кейт, мы учимся с ними в одном классе. Девочки, это Картер, наши папы были не разлей вода в детстве, и вот сейчас Картер с родителями приехали к нам в гости.

– Очень приятно! – в один голос сказали девушки.

– Да, я тоже рад знакомству! – ответил Картер, он прекрасный актёр, но я чувствовала, что ему как-то не очень приятно на самом деле.

– Ты невероятно похож на Картера Джонса, – вдруг сказала Кейт, – но это невозможно, чего Картеру делать у нас в городке. Тебя ещё и зовут так же, это круто.

– И всё-таки я здесь, – начал Картер, снимая очки и капюшон. Мы приехали к вам за спокойствием, и я очень надеюсь, что вы поделитесь им с нами. Не так ли? – и он надел свою самую обворожительную улыбку, девочки растаяли.

– Боже, Боже, а можно сфотографироваться и взять автограф? – спросили все в унисон. Ну, как? Как я могла ничего

не знать о нём раньше?

– Конечно! Только, пожалуйста, по возможности не сообщайте никому, что я здесь, хотя бы до конца лета. В этом случае я и останусь на всё лето, если же о моём местонахождении узнают массы, то спокойствия здесь точно не будет, а мне придётся уехать. Ведь лучше же побыть подольше вместе, да? – ну, если честно, я не ожидала услышать столь мудрые слова из уст человека, который пять минут назад вёл себя как клоун. Картер меня приятно удивил.

– Хорошо! – снова зазвучал унисон девичьих голосов.

Мы ещё немного поболтали с девочками, они сфотографировались, взяли автографы, и мы разошлись. Но ещё не раз встретимся, это точно, может быть, даже сегодня.

– Ты молодец, Картер! Я сначала не поняла, почему ты так странно себя ведёшь, но потом вспомнила, что ты небезызвестный человек, как ни крути, и это своего рода защита. Но здесь опасаться нечего, даже если весь город в одночасье захочет с тобой сфотографироваться, этот наплыв людей, я думаю, будет гораздо меньше обычного для тебя. Ты доверился и открылся, я тобой горжусь. Правда, – теперь уже самую обворожительную улыбку надела на себя я.

– Фейт, спасибо! Твои слова очень ценны, правда. И прости, пожалуйста, за маскарад, который я устроил. Действительно, я никогда не выхожу на улицу без своего рода защиты. Конечно, меня всё равно узнают, может быть, даже своим таким внешним видом я привлекаю больше внимания, а

может быть, и нет, но психологически так спокойнее. Спокойствия, так хочется спокойствия. И... спасибо, что понимаешь.

– Я уверена, всё будет хорошо. Не переживай, лето будет волшебным, – я хотела его приободрить, но и на самом деле я так думала.

– Конечно, ведь ты рядом, – выпалил Картер, но потом поправился, – ты рядом, твой папа, мои родители и прекрасный маленький город. Всё будет волшебно, – повторил он мои слова.

Мы как раз дошли до аптеки.

– Её содержит Мистер Фабиан, или просто дедушка Луи. Он помнит папу с самого его рождения, уже тогда Луи управлял аптекой. Сейчас ему восемьдесят лет, его жена умерла, а дети и внуки в больших городах, приезжают иногда, но очень редко. Он мне как дедушка, который сейчас так далеко. Мы можем болтать часами, он прекрасный собеседник. Ну, ты сейчас увидишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.